

«Сара Джио — одна из самых читаемых авторов-женщин в Европе и Америке».

Woman's World

САРА ДЖИО

*Сладко-горькая
история*

Основано на реальных
событиях

Сара Джо
Сладко-горькая история
Серия «Зарубежный
романтический бестселлер»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66587450
Сара Джо Сладко-горькая история:
ISBN 978-5-04-160015-0

Аннотация

«Сладко-горькая история» – это первая книга Сары Джо, которую она написала... о себе. С исключительной любовью к своим читателям. Это история о семье, любви, о взаимоотношениях людей, о мужчинах и женщинах, но главное – об обретении счастья и гармонии внутри себя. Вопреки всему, через что вам пришлось или придется пройти.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	9
Глава 2	28
Глава 3	40
Глава 4	46
Глава 5	57
Глава 6	76
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Сара Джо

Сладко-горькая история

Sarah Jio

BITTERSWEET

Copyright © 2017 by Sarah Jio

All rights reserved.

Перевод с английского Эльвиры Фарниевой

Художественное оформление Сергея Власова

© Фарниева Э., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Посвящаю эту книгу всем моим многочисленным, великодушным и очаровательным читателям и друзьям из России.

Моя жизнь изменилась к лучшему, когда Россия стала ее частью

Предисловие

Я люблю мемуары. А вы? Обожаю читать о правдивых деталях чужих жизней. По-моему, человеческие существа бесконечно увлекательны. Мне хочется знать не только о мелочах, например, о том, что они едят на завтрак и что им докучает, но и о более важных предметах – почему они любят именно этих людей, что ими движет. Мне нравится слушать их истории о путешествиях и расставаниях. И мне любопытно, отчего они такие, какие есть, отчего расстраиваются, когда в ресторане вдруг зазвучит определенная песня Фрэнка Синатры, или какие многозначительные и странные детские воспоминания все еще ранят их сердца, когда бы ни всплыли в памяти.

Я неисправимая фанатка человеческой природы и истинный наблюдатель за людьми. Моей работой стало подслушивание разговоров в кафе и слежка за другими в любых местах, от музеев до продуктовых магазинчиков, а самые яркие детали я откладываю про запас, чтобы оживить героев своих романов.

Писать о других людях, особенно вымышленных, легко. Но писать о себе? Господи, я поняла, до чего же это трудно! Работая над этой книгой, я вся извелась от неуверенности. Что, если все вы сочтете мои личные истории крайне скучными? Что, если автор полюбившихся вам романов са-

ма по себе – пустышка?

Все это может оказаться правдой (ох!), и написание первой книги от моего собственного лица – огромный риск. Но за свои сорок лет я выучилась тому, чтобы не бояться рискнуть ра-зок-другой – и в бизнесе, и в любви. Я робко надеюсь, что вы найдете мои истории хотя бы немножко забавными, может, даже в каком-то смысле вдохновляющими. А в лучшем случае рассчитываю, что вы обнаружите на этих страницах нечто ценное для себя.

Как писатель, я делюсь своими героями с миром. У меня есть возможность сочинять истории о вымышленных людях, которые мне интересны. И я могу наделить их рыжими волосами, или каштановыми, или платиново-русскими, поселить их в лофте, расположенном в районе рыбного рынка Пайк-Плейс в Сиэтле, или в пляжном бунгало на юге Тихого океана. Я могу заставить их улыбаться, когда их жизни рушатся. Могу подарить им невероятные истории любви и счастливые финалы, и пусть не всегда так поступаю, но мне это нравится. Потому что, буду откровенна, я обожаю счастливые финалы, пусть даже они не всегда случаются в реальной жизни.

А сейчас я пишу о... себе. Это странно и отчасти пугающе – стать тем человеком, чью жизнь представляют публике. Вы можете прочитать мои слова и поднять бровь, или кивнуть в знак согласия, или сердито мотнуть головой. Можете не согласиться с моими решениями или безоговорочно согласиться. И в отличие от моих статей или книг, которые я

планирую от начала до конца, с ясным осознанием того, в какую сторону все развивается, моя личная история иногда была неизведанной и непредсказуемой. А конец может быть счастливым или трагическим – я этого не знаю, потому что проживаю эту жизнь прямо сейчас.

Я слышала это от стольких людей, побывавших в похожих ситуациях. Потерянных людей. Печальных. Их жизнь пошла не по плану, и каждое утро они просыпаются, ощущая мучительную боль в сердце.

– Печаль и горе сродни друг другу, – сказал мне недавно друг. – Ничье горе не может быть более или менее значительным.

И я подумала, что это правда.

– Просто продолжай идти вперед, – как-то раз поведала мне подруга Стейси. – Обещаю, на том конце пути есть счастье.

Она была права, и кажется, я живое тому свидетельство.

Нет, я не покоряла Эверест и не переживала ужасающий опыт похищения ребенка, тем более не снималась в голливудском фильме, не выигрывала Пулитцеровскую премию и не излечивалась от рака мозга. У меня было вполне идиллическое детство, и я все еще каждый день разговариваю с мамой по телефону. Но все-таки я прожила много лет и за эти годы накопила так много всего, чем хочу поделиться с вами. Хотя я написала много книг – к настоящему времени одиннадцать штук, которые были изданы в более чем 25 странах

(к моменту этого издания, признаю, я сбилась со счета!), – ни одна из них не была полностью моей. А эта – моя.

Надеюсь, вы будете читать и улыбаться, может, даже смеяться, когда строчка или глава придется вам по душе. И если вдруг вы увидите меня в аэропорту или кафе любой точки мира, надеюсь, вы поздороваетесь и расскажете, что думаете о книге.

*С искренней любовью,
Сара*

Глава 1

Все распадается (но уверяю, ты можешь снова все склеить)

*Жизнь быстро проходит. Наслаждайся ею. Будь спокойна. Все – забава.
Джоан Риверз, комедийная актриса*

Я долго думала о том, как начать эту книгу. Какая глава задаст верный тон? Какая история поможет читателям точно понять, кто я и откуда? Какое первое впечатление я хочу произвести? Будучи прирожденной оптимисткой, я не люблю предаваться мрачным размышлениям, негативу, и все же я решила начать как раз с этого: с моих самых темных часов. Отнеситесь ко мне с пониманием в этот миг (обещаю, вскоре мы доберемся и до забавных происшествий).

Я решила начать эту книгу с одного тяжелейшего момента жизни, который стал вместе с тем и моментом моего возрождения: шансом стать отважнее, воссоздать себя заново, если можно так выразиться, и планировать жизнь на своих условиях. Итак, друзья, перенесемся назад во времени, в 6

ноября 2013 года.

Был солнечный осенний день в Сиэтле. Я только что пообедала с подругой, алые и янтарные листья шелестели под ногами, когда мы подходили к нашим машинам. Я тяжело трудилась ради завершения нового романа, засиживаясь допоздна, чтобы разобраться с деталями сюжета и медленно, но настойчиво приблизить книгу к финишной черте. Хоть я и не признала бы этого в тот момент, романы стали моим убежищем в далеко не счастливом браке.

Однако этого никто не знал – даже ближайшие друзья, даже сестра и мама. Я сосредоточилась на том, чтобы как можно дольше транслировать идеальную картинку своей жизни. Каждый, кто в те дни просматривал мой «Фейсбук», видел фотографии счастливой с виду парочки, позирующей на кухне дома в Сиэтле, видел свежеиспеченные маффины на столе, видел жизнерадостных детей – ну в точности страничка одного из журналов, для которых я писала. Но правда, которую я скрывала от мира и, возможно, от себя самой, заключалась в том, что я переживала не лучшие времена – совсем не лучшие.

У нас с мужем не было ничего общего. Мы были абсолютными противоположностями, которые поженились слишком рано и по неверным причинам (в моем случае в основном из-за желания угодить семье). Нас связывала любовь, но не из тех, что бывают на всю жизнь. Думаю, будет честным сказать, что мой тогдашний муж, практичный и тихий человек,

совсем не понимал меня. Фактически большую часть времени я гадала, не считает ли он меня инопланетянкой.

Я знала, он заботится обо мне, но, по-моему, я его смущала. То, что удивляло и умиляло в ранние годы брака, по прошествии лет стало камнями преткновения и символами глубокого разочарования. Почему, ради всего святого, я предложила переехать в Нью-Йорк? Почему я надела это платье? Почему я хочу сходить на обед со старой подругой из колледжа – разве мне не следует просто остаться дома? Я ощущала себя запертой в клетке колибри, порхающей вдоль периметра и пытающейся протиснуться к цветам за оградой. В конце концов я изнемогла и присела на шесток, совершенно забыв, как летать.

Если уж быть целиком откровенной, стоит признать истину: я опасалась краха нашего брачного союза еще до того, как решилась пойти к алтарю. Но в том-то и дело, что я сотворила опаснейшую вещь – приняла важное жизненное решение до того, как полностью выучилась доверять своему инстинкту. Не совершайте ту же ошибку следом за мной.

Да, да. В молодости вы уверены, что все знаете. Я точно так и полагала. Все мои подружки были помолвлены или замужем, и следование их примеру казалось такой необходимой вещью. И рядом был этот мужчина, казавшийся тем самым, по крайней мере на первый взгляд: симпатичный, высокий, влюбленный в меня, практичный, заинтересованный в создании семьи и совместном будущем.

Я не слушала тихий внутренний голос, убеждавший меня: «Погоди-ка, Сара. Тебе только двадцать один. Не думаешь ли ты, что стоит пожить своей жизнью еще немного до того, как... остепениться навеки? И кстати, насколько хорошо ты знаешь этого парня?» Но этот голос, как бы вам ни хотелось его назвать – «нутро», «мои инстинкты» или даже «интуиция», – у всех нас, женщин, есть эта особая мудрость. Мы с нею рождаемся. Штука в том, чтобы научиться тому, как ей доверять.

ЧТО ЗНАЧИТ «ПРИСЛУШИВАТЬСЯ К СВОЕМУ НУТРУ»

Скажу вам следующее: я научилась прислушиваться к своему нутру к середине четвертого десятка, но, ох, как бы я хотела разобраться в этом раньше. Вы можете спросить – как же человек учится тренировать эту способность, как оттачивает умение доверять собственным инстинктам?

Прежде всего до принятия важного решения (устроиться на новую работу, переехать в другой город, выйти замуж и т. д.) сделайте паузу и немножко переварите это потенциальное решение. Не говорите сразу же: «да». Скажите: «возможно». А затем поживите вот так столько времени, сколько понадобится, – часы, дни, недели или даже дольше. Если кто-то вдруг проявит нетерпение по этому поводу – его проблемы. Жизнь-то ваша! Позвольте решению помариноваться в ва-

шем сознании и сердце, примерьте его на себя. Почувствуйте его по-настоящему. Есть ли ощущение правильности? Если вы ощутите раздражение, прилив страшной неловкости (а я обещаю, так и будет) – тогда-то и наступит понимание.

А теперь краткое предупреждение: страх иногда маскирует себя под интуицию. Возможно, вы испуганы идеей переезда в Париж, или перехода на работу мечты в Стамбуле (счастливица!), или согласия на первое свидание. И это нормально! Страх – обычное и полезное чувство. Просто не позволяйте ему взять верх и воздействовать на принятие решений. Отстраните страх и просто задайте себе вопрос: «А [вставьте сюда свое важное решение] – это правильно?» Если вы можете посмотреть на себя в зеркало, кивнуть и ощутить прилив уверенности в избранной дорожке, тогда, ничуть не сомневаясь, смело бросайтесь в том направлении.

Но что, если вышеупомянутый зуд продолжает напоминать о себе, мучая безостановочно? Дорогие мои, это значит «нет».

И это самая крутая вещь, которая происходит с возрастом: за десяток лет вы улучшаете навык понимания своего нутра. Действительно, потрясающая вещь, когда сам ее переживаешь в течение жизни: ты становишься мудрее. Как я и упомянула выше, мои навыки нутрочуюния отшлифовались до блеска к тридцати пяти годам. Я совершила переход от личности, которая часто ощущала неуверенность в своих выборах и целях, к личности, которая почти всегда могла прини-

мать решения с уверенностью. И в этом отношении со временем жить становится все легче. (Вот почему я звоню маме, которой уже за шестьдесят, всякий раз, принимая простое решение, – она лучше слышит свои инстинкты, чем я!) Помните об этом, особенно в юности, и будьте осторожны (привет, прекрасные и энергичные подростки и молодые люди, читающие эти строки!), принимая глобальные жизненные решения до того, как по-настоящему отточите важные навыки. Не цепенейте от страха, будьте просто начеку.

Ладно, итак, давайте предположим, что вы стали профессионалом в нутрочуянии и сделали решительный шаг – вышли замуж, или завели ребенка, или начали строить карьеру на новом месте, – а планы... не сработали, или вы провалились и рухнули лицом вниз. Дорогие, повторяйте за мной: «Все будет хорошо». И еще разочек: «Все будет хорошо».

Два факта:

- 1) женщины очень выносливы и изумительно приспособлены, чтобы построить запасной план;
- 2) плюсы провалов, падений и не сработавших планов в том, что они встряхивают вашу жизнь и не только делают ее гораздо интереснее, но и выковывают из вас более ответственное, мудрое и интересное человеческое существо.

ГЛЯДЯ В ЛИЦО ТЕМНОЙ ПОРЕ

Прошу прощения, кажется, это было небольшое отступ-

ление от темы. А сейчас вернемся к моему темнейшему часу (странновато печатать эту фразу, но таково наиболее точное описание того жизненного момента). Как вы уже, вероятно, догадались, в результате того непонимания собственного нутра много лет назад мой брак развалился, точно картонный домик.

Шестого ноября 2013 года, когда я выходила из машины, незнакомец протянул мне толстую пачку документов по разводу – на улице перед моим милым сиэтлским домом, жилищем трех некогда привезенных из роддома малышей. Чувствуя, как дрожат руки, я поднялась по лестнице на свое крыльцо, по ступеням, украшенным крошечными оранжевыми тыковками. Сердце невыносимо бешено колотилось, пока я изучала бумаги, которые муж заполнил без моего ведома. Мне было больно, я ощущала злость, шок и глубочайшую тревогу, но все это тонуло в ощущении полнейшего провала.

В сознании неслись вскачь противоречивые мысли: «Да как он посмел?! Прямо перед Рождеством!» И кстати о Рождестве – мы только недавно сделали ежегодное праздничное фото. Перед съемкой я усердно выгладила рубашки сыновей – все они идеально сочетались между собой, конечно же, – и провела целый час за укладкой волос и макияжем. В миг, когда сработала камера фотографа, мы с мужем нежно взирали друг на друга, стоя на нашей кухне (со свежеотполированным оборудованием из нержавеющей стали), а по бокам

примостились наши ангелочки. Эти фото – точнее, только то, на котором моя прическа выглядела лучше всего, – предполагалось напечатать на наших рождественских открытках, которые затем должны были разойтись по списку из более чем сотни родных и друзей. Идеальная счастливая семья.

Только мы не были счастливы. Внутри этой кухни трещал по швам брак – мой. И никто об этом не знал. И сейчас, пока я держала в дрожащих руках бумаги по разводу, этот образ совершенства, за который я столь отчаянно цеплялась, разлетелся вдребезги всего за три с половиной секунды. Я вставила ключ в замок, вошла в ванную комнату, и меня стошнило.

Следующие часы, дни и недели так смазались в моем сознании, что даже теперь остались моменты, которые я едва могу припомнить. Вот что я вам скажу по поводу душевных травм – у нашего мозга есть поразительная способность защищать хозяина при помощи их блокировки. Каждый, кто когда-либо проходил через тяжелое жизненное испытание, может сравнить эту блокировку с заряженной адреналином реакцией «бег или бой», которые переживают солдаты в бою. На моей личной войне были адвокаты, которых требовалось нанять, дети, которых требовалось защитить, собственность и активы, которые необходимо было разделить, – в том числе авторские отчисления, полученные за романы, – и муж, ставший за ночь чужаком, который уже упаковал половину нашего дома и собирался переезжать в новый, с пятью тер-

расами и видом на озеро. Он снял свое обручальное кольцо, то же сделала и я. Он спрашивал: «Можно забрать нашу свадебную фарфоровую посуду? Спальные мешки и палатку?» Кресло в кухне? Я отдала ему все вещи. Так или иначе я больше их не хотела. Не желала ничего, кроме избавления от боли.

Но она не ушла. Наоборот, она длилась долгое время, воплощаясь в оттенках вины и страха, стыда и самоуничижения. Внезапно я почувствовала себя единственной мамой без кольца на пальце, ожидающей школьный автобус, единственной брошенкой в мире счастливо женатых пар, заполнивших все рестораны, кафе и парки, единственным в целом мире человеком, вынужденным пройти через развод. Я была огорчена и крайне... одинока.

Хотя в некотором смысле я оплакала свой брак за годы до этого момента – даже фантазировала о том, каков будет колибри, вырвавшийся из клетки и нашедший путь в цветочный сад, – когда конец настал, я оказалась не готова, впала в смятение и шок.

Нет ничего хуже, чем праздники, когда у вас горе. И вот, будто по команде, поздравительные открытки завалили мой почтовый ящик, как гранаты, прилетевшие из вражеских окопов. С каждым ярко-красным или зеленым конвертом, выуженным из ящика, я все сильнее ощущала досадливое отвращение. Я не могла заставить себя вскрыть эти конверты, и они копились сиротливой стопочкой на столике у входа.

Я знала, что каждое «хо-хо-хо» и «счастливого Рождества», каждое фото счастливого семейства в лучших нарядах и с самыми сверкающими улыбками только впечатает вглубь моего сознания мысль: жизнь, прямо скажем, лежит в руинах.

Неделями, даже месяцами я подавляла эмоции, притворяясь перед внешним миром, что ничего плохого не произошло. Когда друзья осведомлялись о самочувствии, я лгала и отвечала что-то в стиле «великолепно, хорошо, отлично!». Я скрывала красные отекающие глаза солн-цезащитными очками. Но внутри я чувствовала себя комедианткой. Глядя в зеркало, я не видела счастливую маму, жену и всемирно известного автора, какой меня считал мир. Вместо этого я видела боль и проблемы, стыд и печаль. Вечерами, уложив мальчиков в кровати, я рыдала, пока не проваливалась в сон. Я тонула в своем горе, но никто не знал об этом, потому что я была слишком напугана, чтобы признаться.

Когда дети оставались с моим бывшим мужем, я почти не жила. Я спала слишком много или мало. Рыдала так часто, что в левом глазу закупорился слезный канал. Будучи фанаткой экологически чистых продуктов и вместе с тем лакомкой, я довольствовалась хлопьями на обед, или крекерами, или вообще голодала. Я потеряла около семи килограммов, а волосы стали тонкими.

Как-то в субботу, когда ребята уехали к бывшему мужу на все выходные, я, в халате и босиком, спустилась в кухню, где тарелки громоздились в мойке, и случайно поскользну-

лась на незамеченной лужице, разлившейся по плиточному полу, рухнула на пол, стукнувшись головой о бок шкафчика. Сев и потеряв саднящее местечко на виске, я попробовала сообразить, что случилось. Неужели эта жидкость в луже – вода? Или апельсиновый сок из чашки-непроливайки сына? Как выяснилось, ни то ни другое. Мой старенький золотистый ретривер ночью описался, и теперь я переживала один из самых неприятных и определяющих моментов жизни: одна, в луже собачьей мочи, с шишкой величиной с мячик для гольфа.

Я сидела там, промокшая и плачущая, – и смеялась. Я вообразила заголовок в свежей газете: «Автор бестселлеров по версии “Нью-Йорк таймс” падает, поскользнувшись на собачьей моче, и умирает в неубранной кухне». Нравилось мне это или нет, но такой была моя новая унылая жизнь. Однако, по крайней мере, я смеялась.

Моя подруга Натали позднее в тот день прислала мне сообщение. «У тебя все нормально?» – написала она. Я стремилась хотя бы на время избавиться от адвокатов, поведать кому-нибудь, насколько ужасной казалась жизнь в тот миг, и поэтому осторожно написала в ответ: «Нет. Совсем нет, если честно». Два часа спустя она без предупреждения появилась у моего порога. Я высунулась из-за занавески и увидела Натали, стоящую на крыльце и державшую в руках цветы и большой пакет продуктов. Раньше я сделала бы вид, что не заметила ее, и сейчас мне тоже на миг захотелось так посту-

пить. Я давно перестала краситься, мои волосы потускнели и сбились в колтун. Мой дом можно было объявлять местом стихийного бедствия (наглядный пример – кухонная мойка, от которой несло тухлятиной). Но по какой-то причине я открыла дверь и впустила ее в свой кошмарный дом и несовершенную жизнь.

Сначала я принялась извиняться за беспорядок, за себя саму. Она покачала головой.

– Людям больше нравятся другие люди, когда они настоящие, – заявила она, проталкиваясь мимо заваленного бараклом стола и наливая мне бокал вина. – Что ж, ты в процессе развода. И твоя жизнь не идеальна. Кому какое дело. Никто не любит совершенных людей. Это правда. Прими свои изъязны, свои неудачи. Они делают тебя – тобой.

На следующей неделе психотерапевт, к которому я записалась, развила эту мысль.

– Все мы так отчаянно стараемся спрятать трещинки на фарфоре, – сказала она. – Но люди забывают о том, что именно трещинки делают нас такими интересными, забавными, понятными – уникальными.

Прокручивая эти слова в сознании, я принялась думать обо всех случаях, когда упускала шанс связаться с людьми – друзьями, соседями, родителями одноклассников моего сына – только потому, что была чересчур зациклена на создании иллюзии совершенства.

– Знаешь что? – сказала я несколько недель спустя дру-

гу, практикуя новообретенную открытость. – Я в этом году не распечатала ни одного поздравительного конверта. Слишком больно.

Будучи счастливым мужем и отцом двух малышек, он сознался: вся концепция праздничных открыток кажется ему притворством, рассчитанным на то, чтобы вызвать чувства зависти и несостоятельности в нас и других.

– Да! – вскричала я.

Затем он поведал мне историю знакомой семьи. Супруги, оба с модельной внешностью, и их двое прекрасных детей каждый год рассылали рождественские открытки такого формата, что ими можно было оборачивать здоровенные каталоги одежды. Идеальная семья? Как оказалось, совсем нет. Казавшаяся совершенством жена страдала от многолетней наркозависимости, а очаровательный муж лечился от сексуальной зависимости.

Понимаете, мы не всегда знаем, что происходит за закрытыми дверями чужих домов, и не стоит тратить время на сравнения себя и других. Так же, как риэлторы организуют показ домов на продажу, мы организовываем показ наших жизней другим людям, думала я; а еще думала о том, как мы стараемся продемонстрировать наши лучшие стороны и спрятать острые краешки. Моя подруга называет это «синдромом каталога “Роскошный домик”» – когда мы делимся только тщательно отобранными снимками наших жизней (скажите-ка, кто, имея маленьких детей, способен держать

гостиную в чистоте круглые сутки?). Очевидно, трансляция личной жизни всему миру – это нездоровая идея (в конце концов, избыток информации есть избыток, и хотя я пишу о трудностях и скорбях своего развода, я все равно сохраню специфические подробности в тайне). Но не следует ли нам – мне – стремиться к балансу в том, как мы изображаем наши жизни?

Держа все это в уме, незадолго до завершения бракоразводного процесса я прошерстила свои посты в «Фейсбуке» и «Инстаграме». Признаюсь, я была именно тем человеком, который делился почти тошнотворными новостями о своей якобы идеальной жизни: «Представляю будущую резиденцию Джио!» – пост с архитектурным планом раздражающе великолепного дома мечты, который мы возводили аккуратно перед тем, как наш брак рухнул; «Только что сорвала в саду – что приготовить вечером? Пасту primavera или пасту болоньезе?» – гласила подпись рядом с фото морковки, трав и зеленой фасоли, которые я тщательно вымыла и разложила на гранитной столешнице одним летним днем.

Нет ничего заведомо плохого в том, чтобы делиться светлыми сторонами вашей жизни или рассказывать миру о том, что кажется нам прекрасным и приносит радость, но без баланса и искренности все это может стать... мошенничеством, порой не имеющим ничего общего с реальностью. В конце концов, мы все сравниваем себя с окружающими на основании сфальсифицированных жизней. Да, я сорвала

свежие овощи в своем саду. Да, возможно, я сделаю пасту primavera на обед (вкуснотища). Но в этот миг на заднем дворе могут драться сыновья, на белом стуле виднеется отпечаток липкой от шоколада ладошки, а я, ворчливая и выдохшаяся, плююсь на часы, молясь чуть ли не на коленях о том, чтобы поскорее уложить детей в кроватки.

Шли месяцы, и, свыкаясь с ролью разведенной матери-одиночки, я позволила себе отпустить стыд и вину, а также решила содрать, если можно так выразиться, пластырь. Я сама повезла мальчишек пообедать в кафе (большой шаг, учитывая, что один еще носил подгузники, а двое других упрямо отказывались сидеть смирно). Я попросила незнакомца снять нас снаружи, еще до того как мы сели за стол. Вечер выдался ветреный, и мои волосы не хотели лежать нормально. Один из мальчиков скандалил. Другой только что разлил яблочный сок по всему пальто, покрыв и его, и меня заодно липкой субстанцией. Но все это не имело значения. «Я сделала это! – написала я. – Вывезла мальчишек к башне Спейс-Нидл самостоятельно. Большая вежа для этой одинокой мамочки. И мы стоим под дождем, причем мои волосы спутались, и фотографируемся на смотровой площадке. Пьем за жизнь, за храбрость и за то, чтобы отыскать радость в эпоху перемен».

Заявление не было таким уж крутым, глубоким и уж точно не серьезным. Но зато честным. И полученные ответы были удивительными – множество теплых откликов, слов под-

держки, не говоря о нескольких письмах и личных сообщениях от друзей: они тоже боролись против чего угодно – от болезней до проблем в браке. И все это оттого, что я решила стать откровенной. Мне не нужно было делиться драмой развода, ужасной сердечной болью, когда я узнала, что мой бывший муж нашел другую и встречается с ней уже давно, с момента переезда, или тем фактом, что я плакала столько, что могла бы вложить целый капитал в покупку громадной бочки со средством для коррекции кругов под глазами. Нет. Я просто улыбалась в камеру сквозь слезы, принимая свою жизнь как есть – запутанной, несовершенной, с перечеркнутыми мечтами – и делилась ею. Потому что как раз этому я и научилась: жизнь может быть хороша даже тогда, когда все плохо. Как кое-кто говорит, горекрасной: горькой и прекрасной.

После этого поста в «Фейсбуке» подруга рассказала мне, как одна изумленная женщина задала ей вопрос. «Сара Джио развелась? – спросила она. – Не могу поверить. Думала, у нее идеальная жизнь».

Не было у меня такой жизни. И сейчас нет. Я готова это признать. На моем фарфоре – все виды трещинок, некоторые крохотные и едва видны, другие глубокие и на грани скола. Друзья могут заметить их на моих рождественских фото текущего года (если я вообще удосужусь послать хоть одно!) и впервые, может, даже за всю жизнь, я не вижу в этом ничего страшного.

«А вот и солнце»:

рецепт лимонно-маковых маффинов

Недавно старший сынок Карсон сделал мне особый заказ. Не могу ли я испечь лимонно-маковые маффины? Когда у кого-то из ребят появляются такие пожелания, я ощущаю волнение. Приготовление вкусных блюд для меня – один из способов выразить свою любовь к людям. И тут подвернулся шанс именно этим заняться... да еще с маффинами! Так что на следующий день я отправилась в магазин и купила банку маковых семян, кучу лимонов, а потом ринулась домой, чтобы поэкспериментировать. Результат был изумительно вкусным (и полезным!). Итак, вот одобренный Карсоном рецепт, которым, как я надеюсь, вы тоже будете наслаждаться.

P. S. В другой жизни я бы с радостью стала скромным пекарем в Англии XVIII века.

Продукты:

2 яйца

120 г растопленного масла

2–3 ст. ложки свежесжатого лимонного сока (можно и больше, если вы любите лимоны так же, как мы!)

2 ч. ложки тертой цедры лимона

3 ст. ложки маковых семян

1 ст. ложка экстракта ванили

1 чашка белого сахара или, что еще лучше, подсластителя

типа архата или стевии

1/4 ч. ложки разрыхлителя

1/4 ч. ложки пищевой соды

1 щепотка соли

1/2 чашки миндальной муки

2 чашки пшеничной муки

Приготовление:

Разогрейте духовку до 180 градусов Цельсия. Сбрызните кокосовым маслом или кулинарным спреем углубления двух мини или одной обычной формы для маффинов.

Смешайте жидкие ингредиенты в миске с лимонной цедрой, оставьте в сторону (кстати, аккуратнее взбивайте теплое масло с яйцами – может обрызгать, если увлечься и действовать слишком сильно). Смешайте сыпучие ингредиенты, потом перемешайте с жидкой основой, следите, чтобы не оставалось комочков муки, но и не забейте тесто вчистую. Я, кстати говоря, использую венчик, который обеспечивает гладкое тесто.

Пеките 15 минут или до тех пор, пока краешки маффинов не зазолотятся, а зубочистка, воткнутая в центр одного из них, не выйдет сухой. Приятного аппетита!

P.S. Из моего опыта, это рецепт, рассчитанный на 32 мини-маффина.

Глава 2

Искусство приготовления пищи для избранного

Люди, которым нравится есть, – всегда самые лучшие.

Джулия Чайлд, шеф-повар

Вам знаком звук трескающегося яйца после удара о бортик миски или хрупающего зубчика чеснока после расплющивания боковой стороной ножа? Или скворчания масла, булькающего на сковороде? Хлопка пробки, выскакивающей из бутылочки красного французского вина? Обожаю эти звуки – все до единого.

Я готовила и пекла почти всю жизнь. Мои самые драгоценные воспоминания раннего детства – когда мама позволяла моей младшей сестренке Джессике и мне сидеть за кухонным столом и печь вместе с ней печенье, маффины, хлеб, пироги. Мама была превосходным поваром, пусть и не признала бы этого никогда. Однажды, когда мне и сестре было семь и пять, маме позвонили, и она оставила нас одних с миской песочного теста. Представьте наше искушение! Я посмотрела на маму – она повернулась спиной к нам и во

время разговора оборачивала витой телефонный шнур вокруг пальцев. Я улыбнулась Джессике, затем окунула один пронырливый пальчик в миску и попробовала кусочек. Сестричка последовала моему примеру, и через несколько минут мы слопали половину теста. «Девочки!» – отчитала нас мама, не в силах перестать смеяться. Мы обрадовались тому, что нас не наказали. Боль в животах, которая пришла чуть позже, сама по себе послужила достаточной карой.

В то время как многие из моих друзей детства часто приходили домой и ели разогретую пиццу, обеды из микроволновки и пресные запеканки в кастрюльках, моя мама, не в пример другим, блистала как прославленный шеф-повар. Она готовила домашние фрикадельки, карри, блюда во фритюре – прямо в воке – и соус болоньезе. Почти всегда в духовке пеклось что-то вкусное – партия домашних брауни или булочек к обеду. В одной из своих книг (забыла, в какой именно) я написала об одном персонаже, который верил: уровень счастья в доме напрямую связан с количеством корицы в кладовке. Правда это или нет, не знаю, но могу лишь сказать, что дом моего детства был невероятно счастливым, и в нем всегда хранилось очень много корицы.

Я была нетребовательным в еде ребенком. Я ела все, что угодно (кроме странного периода в старших классах, когда стала вегетарианкой – тогда это было в моде. Впоследствии я устала от «веджибургеров» и вновь перешла на мясо). Благодаря маминой помощи к тому времени, как я повзросле-

ла, в моем арсенале имелись богатые познания в кулинарии и множество выученных наизусть рецептов. За исключением грандиозного провала в колледже, когда я приготовила тайскую рисовую лапшу для парня по имени Джейкоб (буду честной, того еще придурка), а он попробовал и скорчил гримасу (по правде говоря, блюдо и впрямь было гадкое), готовить для меня было естественно, и я наслаждалась возможностью поделиться своими блюдами с другими. P. S. Был во времена колледжа еще эпический провал, о котором следует поведать. Случилось все примерно так: Натали вернулась после занятий и подозрительно осмотрела меня, стоявшую на кухне нашего снятого вне кампуса жилья: «Что ты делаешь, Сара?» Я, наливая банку соуса маринара в сковороду, ответила: «Ну, не нашла мясной фарш, так что откопала в шкафу эту баночку тунца, – тут я вскрыла крышку и вытряхнула тунца в сковороду, – и подумала – почему бы и нет?» До сих пор помню выражение ужаса на лице Натали. Позже я поняла, почему соус маринара и тунца ни в коем случае не следует совмещать. Никогда.

Но во время и после моего развода произошла забавная вещь. Так же, как радость, из моей жизни исчезло и желание готовить. Конечно, я продолжала стряпать полезные блюда для троих сыночков, но сам акт приготовления пищи стал утомительным и пресным. Я потеряла вкус к еде и в каком-то смысле к жизни.

Моя старая подруга и бывшая соседка по комнате Натали, однако, сыграла большую роль в улучшении этой ситуации. Помните о том ужасном дне, который я описала в предыдущей главе? Когда она пришла в мой дом в темнейший миг? Я впустила ее, и она убрала беспорядок на кофейном столике, чтобы освободить место для небольшого пиршества. Она принесла с собой фрикадельки из магазинчика деликатесов, которые мы обе любили, отличный сыр, красное вино, виноград, ароматный, сочный, яркий как из мультфильма!

– Держи, – сказала она, протягивая мне тарелку. – Съешь кусочек.

Вначале я капризничала, словно привередливый карапуз. В те месяцы, когда моя жизнь распалась на части, я запретила себе ощущать вкус и отказалась от любимой еды. Прошло столько времени, что казалось странным вновь насладиться чем-то по-настоящему, но Натали меня подбодрила.

– Ешь, – попросила она, наливая мне стакан вина.

Помню, как положила фрикадельку в рот. Оттенки вкуса взорвались, точно петарды. Я смыла их бокалом отличного мальбека, затем съела еще одну фрикадельку, заела ее кусочком овечьего сыра манчего и ломтиком гауды, который можно описать лишь одним словом – волшебный. Помню его дымный привкус и зернистую структуру до сих пор.

– Отлично, – заявила Натали, снова наполняя мой бокал. – А знаешь, ты с этим справишься.

Я кивнула и подтянула ноги к груди, испытывая благо-

дарность за то, что она, будучи настоящим ангелом, удержалась от комментирования моей уродливой пижамы. Поистине омерзительной, ребята. Желтой с красными звездами, а на коленке – дыры.

Когда подруга ушла от меня в тот день, я отправилась в кровать с полным желудком, спокойная, гораздо более счастливая, чем была на протяжении многих месяцев, благодарная за ее дружбу и за то, что Натали разбудила часть меня, дремавшую слишком долго.

На следующий вечер я решила приготовить ризотто. Подготовка к этому действию напоминала сражение – с самой собой. Вооружившись подходящей кастрюлькой, большим куском сливочного масла и бутылкой оливкового, а также деревянной ложкой, я робко подошла к плите. Я нависла над казанком, размешивая масло, затем добавила чеснок. Потом туда же высыпала резаный лук и рис, наблюдая, как заблестела смесь, и наконец влила белого вина и бульона. Склонилась над кастрюлькой, вдыхая полную пара, возносящуюся вверх благодать, в то время как мой младший сынок играл с поездом в кухне. «Ризотто – чистка лица» – так я называла это раньше, в более счастливые времена. Я улыбнулась себе, хотя рядом не было людей, взрослых по крайней мере, с которыми я могла бы поговорить.

Да, у меня не было мужа, охотно ожидающего свежее кулинарное творение, да и вообще никакого мужчины, и некому было помочь мне с посудой в этот вечер и в следующий

тоже, ну и пусть, сказала я себе. Просто готовь.

И я готовила, в тот вечер и все следующие – сначала с горем пополам. То сковорода подгоревших брауни, то унылая паста primavera. Но вдруг получились великолепные баклажаны пармезано и охалпа нутовых оладьев. Тающий во рту глазированный в мисо палтус с салатом из соба-лапши, приправленной имбирем и соевым соусом, настолько замечательным, что я почти разревелась. Может, моя жизнь и лежала в руинах, но я начала припоминать кое-что уже выученное: хорошая еда может... исцелять.

– Как поживаешь? – спросила Натали по телефону несколько месяцев спустя.

– Неплохо, – ответила я.

– Неплохо – это хорошо, – отреагировала она.

Был почти обеденный час. Недавно я начала встречаться с приятным, симпатичным мужчиной, и я рассказала Натали, что он звонил до нее – пригласить меня в ресторан в центре, но получил от меня отказ.

– В чем дело? – уточнила она. – Ты потеряла к нему интерес?

– Нет, – сказала я.

– Может, устроим вместо этого вечеринку для девочек? – полюбопытствовала она. – Мы могли бы перехватить что-то в том новом заведении на Пайонир-Сквер, а?

– Спасибо, но... – Я смолкла, оглядела свою кухню, услышала зов разделочной доски. – Думаю, я сегодня просто...

останусь дома. Купила немножко салата латук и отличной феты.

Мы попрощались, и я отложила телефон, налила себе бокал красного вина, а потом соорудила идеальный греческий салат – только для себя. И я наслаждалась каждым кусочком.

МОИ ПРАВИЛА ДЛЯ ВОЛШЕБНЫХ БЛЮД

Готовите ли вы для большой семьи или просто для себя, вот вам мои лучшие советы для создания восхитительных обедов.

Готовьте в компании: По какой-то причине люди полагают, что готовка должна быть скучным одиночным опытом. Можете нарисовать в мозгу картинку: женщина, батрачащая возле раскаленной плиты часами, пока обед не будет готов. Не мой вариант! В моем доме готовка – это всегда совместный опыт. Вообще я терпеть не могу оставаться на кухне одна. Спросите любого моего знакомого – я вечно пытаюсь кого-либо позвать, будь то друг, сосед или один из сыновей, – чтобы он подвинул ближе стул и болтал со мной, пока я давлЮ чеснок, делаю соте или гриль, а еще лучше будет, если они помогут мне все это делать! По-моему, одно из величайших удовольствий – налить по бокалу вина и разделить с другими процесс приготовления пищи. Волнуетесь, как бы не перенервничать и не порезать себе руку – да не

стоит! Уверенность придет по ходу дела. Я порой притворяюсь звездой кулинарного шоу и разыгрываю его у себя, диктуя пошаговую инструкцию на каждом этапе. Это очень весело.

Остались одни? Ничего страшного. Готовьте и слушайте! Включите какой-нибудь жизнерадостный цыганский джаз (мой любимый), или ознакомьтесь с аудиокнигой, или углубитесь в новый подкаст. Мне очень нравится, что, в отличие от прочих медиа, аудио позволяет вам делать сразу несколько вещей. Можете резать овощи и слушать эпизод о путешествии в Исландию (или даже мой свежий подкаст «Mod About You»!)

Накройте на стол: Я всегда твержу две вещи – нет ничего более угнетающего, чем 1) незаправленная кровать и 2) не накрытый к обеду стол. Ладно, может, я здесь чуть-чуть драматизирую, но серьезно, народ, сервируйте ваш стол! Сложенные салфетки (даже бумажные) и аккуратно расположенные столовые приборы придадут всему стильный вид, и никому не придется тянуться за своими же вилками и ножами, как студентам. Мы можем справиться гораздо лучше!

Свечи: Несколько лет назад, когда мальчики были младше, я придумала обеденный ритуал – всегда зажигать на столе свечи. И он так полюбился ребятам, что, если я забывала,

они сами зажигали свечи для меня. Горящие свечи придают обеду торжественности – одни вы за столом или окружены семьей и друзьями. P. S. Я также зажигаю одну на кухонном столе, начиная готовить, а когда приходит пора подавать на стол, задуваю.

Запрет на гаджеты: Знаете, сколько в среднем времени уходит у семьи на поедание обеда? Двадцать минут. Итак, я спрошу: а что там такого важного, что не может подождать двадцать минут? Ответ: почти ничего. Так что отложите телефон и прочие гаджеты в сторонку на время обеда, чтобы осознанно есть и хорошо общаться.

Присядьте: Крайне простой совет, но признаю, когда я одна, ему трудно следовать. Исследования показывают, что еда сидя (в отличие от еды стоя или на ходу – в машине и т. д.) не только здоровее и лучше для пищеварения, но также помогает уменьшить уровень стрессового гормона кортизола в наших организмах. Сядьте. Включите какую-нибудь спокойную музыку. Будьте в настоящем моменте.

Все остаются за столом, пока все не наедятся: Я должна поблагодарить своих родителей за этот совет. Когда мы росли, от нас ожидали пребывания за столом до тех пор, пока каждый член семьи не заканчивал обед. Это означало, что даже самый шустрый едок должен был сидеть там, пока са-

мый медлительный едок не поглощал последний кусок. Для семьи из шести человек это порой бывало тягостным (спросите у меня, сколько раз я желала, чтобы мой маленький братик закончил наконец есть свой горошек!). Но в то же время это стало практикой, которую все мы полюбили, поскольку самые важные разговоры происходили в это общее обеденное время.

Рецепт «Лучшее в мире ризотто»

До того как я начала готовить ризотто, я была всерьез испугана этой перспективой. Разве это не чрезвычайно времязатратное блюдо, требующее постоянного помешивания и всего такого? Разве оно не ведет себя как суфле, не оставляя даже шанса все сделать верно? Как выяснилось, нет и нет! Ризотто готовится куда проще, и я поняла, что результат доставляет такое удовольствие! (Я из тех, кто также полагает, что комбинация кипящего вина, бульона, чеснока, масла и трав, вероятно, самый удачный брачный союз продуктов в жизни.) Я приглашаю вас приготовить это блюдо и ощутить счастье – иное невозможно! И не забудьте наклониться и вдохнуть всю эту парную благодать (или, как я это называю, сделайте «Ризотто – чистку лица»).

Продукты:

1 л куриного или овощного бульона

2 ст. ложки оливкового масла

2 ст. ложки сливочного масла

1 чашка риса сорта арборио

1/2 ч. ложки соли

1 щепотка молотого перца – по вкусу

5 зубчиков рубленого чеснока

1/2 чашки белого вина

1/2 чашки тертого сыра пармезан

Дополнительно – нарезанные грибы, нарезанные кубиками мускатная тыква, цукини или другой любимый овощ

Приготовление:

Вскипятите бульон в большом сотейнике, затем уменьшите огонь до минимума. Держите черпак под рукой. В глубокую сковороду, стоящую на среднем огне, влейте оливковое масло, добавьте сливочное масло, соль, перец и чеснок (и любые добавки), затем пассеруйте, пока чеснок не размягчится, только аккуратнее – не сожгите ничего. Всыпьте на сковороду рис, мешайте минуту, пока зернышки не покроются смесью масел. Добавьте вино, пусть побулькает еще минуту. Затем, все еще держа сковороду на среднем огне, добавьте туда один черпак горячего бульона и помешивайте постоянно, пока не впитается. Продолжайте помешивать и добавлять порциями бульон, пока рис не разбухнет и не вберет в себя весь бульон. Посыпьте тертым пармезаном, далее разложите по тарелкам. Украстье еще пригоршней пармезана и свежи-

ми травами. Подавайте на стол немедленно.

Глава 3

На что похожа жизнь после развода

Вы не можете промотать вперед большое горе, не можете вернуться к началу любви, и это все – просто большущий облом.

Челси Хэндлер, комедийная актриса

Я всегда верила, что в жизни мы запоминаем не дни, а моменты. И моя жизнь, возможно, как и ваша, представляет собой коллекцию значимых моментов – некоторые из них серьезные, другие нет. Например, та минута, когда рыжая девочка в детском садике отняла у меня желтый мелок и вогнала в слезы. Или та, когда я впервые разбила мальчику сердце (Альфред, восьмой класс), или наоборот, мальчик разбил его мне (не будем об этом). Минуты, когда я впервые брала на руки своих новорожденных сынишек.

Моменты.

Я не ожидала, что день моего официального развода попадет в этот список. Наоборот, я думала, что тот день выпадет из памяти – по крайней мере, я этого желала. Но мой мозг с этим не согласился.

Утром, когда бумаги должны были быть подписаны, я обнаружила, что в буквальном смысле мысленно конспектирую каждую секунду. Я проснулась и увидела брызгающий в окно дождь, затем выбрала черное платье, висевшее в дальнем углу гардероба. Чуть выше колена, с кружевными вставками – мне всегда нравилась его посадка, но что более важно, мне нравилось то ощущение, которое возникало у меня в нем: контроль над собой, очарование, надежда, уют – уверенность.

Я стянула платье с вешалки и позволила воспоминаниям взять надо мной верх. Я надевала его на похороны своего дедушки, на деловую встречу много лет назад, которую с блеском завершила, на первое свидание до того. Платье прошло со мной через многое. И должно было сыграть роль еще раз – в еще одном значимом моменте.

Все детали того дня застряли в моей памяти намертво. «Скорая», которая с грохотом пронеслась мимо меня на трассе, запах в лифте, тряска поднимавшемся на десятый этаж к офису моего адвоката в центре города, гудение факса снаружи конференц-зала, стук моего сердца.

Помощник адвоката положила передо мной документы, и я расписалась на линии – один большой росчерк на «С», второй на «а», – прежде чем мы с адвокатом направились в зал суда.

– Мне придется задать вам несколько вопросов в присутствии судьи, – сказала она. – Обычная ерунда. Потом судья

просмотрит документы, и все закончится.

Я ощутила комок в горле.

– А если я расплачусь?

– За все годы практики ни один из моих клиентов не рыдал, стоя перед судьей, – уверила она.

А потом меня назвали по имени. «Не плачь, – твердила я себе. – Нет. Не плачь».

– Вы Сара Джио? – спросила судья.

– Да.

– Вы согласны, что ваш брак бесповоротно разрушен?

«Не плачь. Не плачь»

– Да.

Я ответила еще на дюжину вопросов, хотя не помню, на какие именно и что сказала. Я могла только пялиться в окно, через плечо моего адвоката. Небо было темным и зловещим. Чайки и голуби устроились на крыше дома, а внизу мужчина без рубашки и с волосатой грудью выглядывал из окна своей квартиры и курил сигарету.

И вот тогда хлынули слезы. Я не могла с ними справиться. Они лились по щекам, как река, настойчиво пробивающая себе путь к морю. Все, о чем я могла думать, это двадцатитрехлетняя девушка с широко распахнутыми глазами, девушка в белом пышном платье, в день свадьбы тринадцать лет назад. Жизнь пошла совсем не так, как она рассчитывала.

– Молодая леди, ваш брак расторгнут, – заявила судья,

сшивая скобками всю пачку бумаг и отрывая меня от размышлений.

Я кивнула и снова заплакала.

Адвокат, должно быть, сказала судье, что я писатель, потому что та немедленно спросила у меня, какой из моих романов следует читать первым. Я пробормотала что-то в ответ, обняла адвоката (которая сообщила, что я первый клиент в ее практике, сорвавшийся на суде), потом онемело вернулась в вестибюль, где Натали ждала меня, чтобы выпить вместе по стаканчику. Мой друг Бен прибыл следующим. Тем вечером были объятия, и слезы, и хорошее вино. А потом, ночью, уложив усталую голову на подушку и закрыв глаза, я почувствовала себя раненой, но спокойной. Грустной, но уверенной. Скорбящей, но ощущающей искру надежды.

В своих мемуарах «Да, пожалуйста» Эми Полер описывает развод так: «Представьте, что вы разложили все самое дорогое на одеяло, а потом швырнули все это в воздух. Бракоразводный процесс – это когда вы нагружаете одеяло, подбрасываете, смотрите на его вращение и волнуетесь, что вещи разобьются после приземления».

Все имеет начало, все имеет конец. А концы ранят. Ох, как же сильно ранят. Но замечательно в них то, что они ведут к новым началам.

Примечание автора: Я написала вышеприведенное эссе для журнала «Гламур», а вскоре его опубликовал и Yahoo.com. Они выложили эссе на главной странице, и мил-

лионы людей без промедления все прочли. В последующие дни мне писали люди со всего мира – они делились своими историями о разводе и скорби. Для меня было честью поделиться своей.

Рецепт «Мои волшебные миндальные печенья «Тройка»»

Не знаю точно, когда я начала печь эти вкусные (и полезные) печенья, но занимаюсь я этим уже давно. Это мой быстрый перекус во время написания книг или в момент, когда я просто нуждаюсь в небольшой энергетической подзарядке. Лучшее в этих печеньях – это низкое содержание углеводов, высокое содержание протеина и почти полное отсутствие сахара (я использую любимый натуральный бескалорийный подсластитель, но вы можете брать что захотите!).

Продукты:

1 чашка миндальной пасты (я предпочитаю соленую с ку-сочками орешков)

1 яйцо

1/4–1/2 чашки подсластителя (я использую гранулированный архат)

Дополнительно можно взять хлопьевидную морскую соль для украшения

Приготовление:

Разогрейте духовку до 180 градусов Цельсия. Смешайте миндальную пасту, яйцо и подсластитель, хорошенько перемешайте. Сформируйте из массы шарики диаметром около 3 сантиметров (мне нравится сбрызгивать руки оливковым маслом, так что масса не прилипает). Разложите шарики на силиконизированном пергаменте, потом вилкой прижмите их – два нажатия, и получится «решетка» на печенье. По желанию посыпьте солью и выпекайте около 8–10 минут. Остудите хотя бы 15 минут до еды, так как печеньям нужно постоять. Приятного аппетита!

Глава 4

Клуб разбитых сердец

*Хотела бы я вновь стать маленькой девочкой,
потому что легче вылечить ободранные коленки,
чем разбитое сердце.
Джулия Робертс*

В первых влюбленностях есть волшебство, так ведь? Я впервые влюбилась в мальчика по имени Уильям. У него были миндалевидные глаза и черные волосы, которые всегда выглядели свежепричесанными, а его рубашки всегда были аккуратно заправлены в брюки. Мне, как и ему, было шесть лет.

Помню, как увидела его в первый раз в школьном автобусе, с зеленой коробочкой для ланча в руках. Он улыбнулся мне, и я ответила улыбкой. «Можешь сесть со мной», – заявил он, указывая на место рядом. Не помню, что я ему сказала во время той поездки, если вообще говорила что-нибудь, но я вся светила от счастья. В своем детском уме я представляла, как мы с Уильямом вырастем, поженимся и будем жить долго и счастливо. Не правда ли, мне повезло отыскать родственную душу в детском саду?

Но затем... в середине учебного года Уильям однажды не

появился в автобусе, как и на другой день. Потом я узнала, что мой будущий муж и отец моих нерожденных детей... переехал.

То был мой первый опыт разбитого сердца, и мне пришлось тяжело. Еще долгое время я думала об Уильяме, хоть и знала, что больше никогда его не увижу (не смейтесь, но как-то раз, пару лет назад, я вроде бы признала его в аэропорту, но так ли это, никогда не узнаю!).

Несмотря на то что мы высмеиваем это в ромкомах или сетевых мемах, правда в том, что сердечная боль – неважно, шесть вам или шестьдесят – чрезвычайно горька. Собратья по несчастью, как и ветераны этой боли, могут с одного взгляда друг на друга все понять. Она настолько неотступна и безжалостна, что напоминает пытку, причем медленную и садистскую. И позвольте сказать: если вы проходите через этап расставания и чувствуете себя такой несчастной, что даже света не видите, то вот вам немного тепла и утешения – вы не одиноки. Жизнь в эту минуту может быть невыносимой, и может показаться, что все в мире, кроме вас, находятся в счастливых отношениях, но уверяю вас – это не так. Я была на вашем месте. Месяцами изнемогала от отчаяния, и я здесь, чтобы уверенно напомнить вам, что все улучшится, очень сильно улучшится – просто потребуется время, ибо господин Время, по сути, великий целитель и единственный лекарь сердечной муки.

Я переживала настоящую сердечную боль четырежды за

всю жизнь, и хотя обстоятельства были всегда совершенно разными, ощущения практически не отличались: это походило на смерть. В каждом случае разрыв был внезапным, как чаще всего и бывает, и даже если намеки и были у меня перед носом, я не могла его предвидеть (поскольку, как упомянула выше, еще не выучилась прислушиваться к своему нутру). Случайная пометка на полях: я нахожу весьма любопытным, что, согласно исследованиям отношений, разрывы чаще случаются в памятные моменты, например по праздникам, на годовщины, во время отпусков или даже в Валентинов день.

Так или иначе с каждым новым разрывом я ломалась и сторала так быстро, что, даже сознавая необходимость нажать кнопку катапультирования и раскрыть парашют, каждый раз приземлялась жестко. Но худшим падением стал конец моего брака; мне потребовалось больше времени, чем ожидалось, чтобы вылезти из руин.

А это действительно были руины. Воспоминания, точно несовпадающие кусочки головоломки, валялись вокруг меня – раздробленные и обожженные. И хотя я знала, что все эти сломанные фрагменты могут никогда не стать единым целым, что они сами по себе, как моментальные снимки, они были прекрасны и правдивы. И поэтому я ощущала себя как человек в пылающем здании, который задержался там дольше, чем следовало бы, стараясь вытащить вещи из комнат и обжигая руки в процессе.

У меня есть замечательная крестница Ариа, и хоть я и хо-

тела бы однажды сказать ей, что любовь – это легкая, идеальная формула $1 + 1 = 2$, буду говорить с ней честно. Правда заключается в том, что порой любовь может быть сумасшедшей игрой. Настоящим полем боя (спасибо, миссис Пэт Бенатар, за сравнение)¹. Вы строите все вместе, вдвоем, но проходит время, и обстоятельства усложняются. Приходят бури, старые призраки суют всюду носы, вражеские отряды просачиваются с юга. Внезапно вы начинаете гадать, задавать вопросы и плести заговоры. Начинаете думать: а может, вы с партнером никогда и не подходили друг для друга. Может, все это был дурацкий риск. Может, вы больше не способны это выносить. А что, если попросту испечь буханку хлеба, вытащить ее из духовки и съесть кусочек с маслом?

Может быть...

Вот в чем риск – когда отношения выстроены на «может быть». «Может быть, он перестанет столько пить». «Может быть, будет работать больше и получит работу получше». «Может быть, он станет приятнее».

А потом – бам, кто-то объявляет войну. Вы либо жмете на кнопку детонатора, либо отступаете и делаете все, что в ваших силах, чтобы защититься, пока партнер поджигает фитиль динамита. Хоть так, хоть эдак, это агония. И к тому моменту уже поздно поворачивать назад. Граната тут, бом-

¹ Пэт Бенатар (*англ.* Pat Benatar, 10 января 1953, Бруклин) – американская певица, четырехкратная обладательница премии Грэмми. Среди ее хитов такие песни, как «Love is a battlefield», «Hit me with your best shot», «We belong» и «Heartbreaker».

бочка там. Бум – Разрыв. Кончено.

Говорят, это война разбитого сердца. Что началось с искры, завершается пожаром. И пока брак полыхает, вы удивляетесь: как то, что началось столь искренне, могло закончиться крахом.

Вы наблюдаете, как все, что вы строили вместе, сгорит, пока пламя не утихнет до едва заметного тления. Потом встаете и перевязываете свои раны. Лечитесь, идете на поправку (подруга дразнит меня за употребление такого старомодного выражения, но мне оно нравится), долго пялитесь на потолок (кто же знал, что по углам у вас столько паутины?). Раны превращаются в шрамы, и вы постоянно их касаетесь, и, делая это, втайне чувствуете себя настоящим монстром, потому что уж – в этом-то нет никаких сомнений – вы настоящий монстр.

Солнышко, вы боролись, и вели себя отважно, и если даже не победили, то по крайней мере выжили. Любовь сразила вас, но не разрушила до конца. О нет. И вы удаляетесь от обломков с достоинством, с гордо поднятой головой, не сводя своих очаровательных глаз с линии горизонта.

Вы заслужили свой почетный знак или любую медаль, которую вручают за благородный бой и выдержку до конца. А вы выстояли до горчайшего конца, радость моя. Вы не бежали. Вы посмотрели опасности в лицо, расправили плечи и сказали: «А давай».

Мое сражение завершено. Сирены «скорой» смолкли.

Дым рассеялся, как раньше. Подобно многим из нас, я ветеран нескольких «войн». Какие-то напоминали эпические междоусобицы, другие – лишь маленькие стычки; некоторые разожгла я, прочие – нет; но каждая из них была не менее тяжелой, чем следующая.

Порой оно истощает, это занятие по имени «любовь». И бывали мгновения, когда я не понимала, осталось ли во мне хоть немного боевого задора. Но даже теперь я все еще верю, что любовь стоит каждого грамма боли.

ЛЮБОВЬ И СОВЕТЫ МУДРЫХ ЖЕНЩИН

В последние годы, стоя на грани серьезного решения или находясь в трудной ситуации, я стала частенько задумываться о том, что бы сделали на моем месте другие мудрые женщины, особенно публичные лица, первые леди истории. Некоторые из них живы, другие ушли. Но если бы я могла волшебным образом пригласить их к себе на чашечку кофе или чая (а лучше бокал вина!) и попросить каждую поделиться мудростью касательно счастья и любви, то, как мне кажется, вот что они бы мне ответили:

Певица Джони Митчелл: «Ступай в бар и выпей бокал вина. Посиди там немножко. Намалюй его лицо на салфетке. Пририсуй ему странные усики. Кинь монетку в музыкальный автомат, детка, и выпей еще. К утру все пройдет».

Ведущая Опра Уинфри: «Вот что я знаю наверняка: ты

единственный человек, который на самом деле может сделать тебя счастливым. Никто другой этого не сделает».

Актриса Люсиль Болл: «Смейся над всем этим, дорогая. Жизнь – такая уморительная шарада».

Кинорежиссер Нора Эфрон: «Мужчины умирают раньше женщин. И то и дело разводятся с тобой и просят тебя выплачивать им алименты. Все они храпят. Большинство из них разочаровывают. (Кроме Тома Хэнкса. Он никогда не разочарует.) Лучше научись наслаждаться одиночеством».

Певица Тейлор Свифт: «Твои подруги – единственные люди, которые в итоге прикроют тебе спину. Отправляйся с одной из них на свидание. И держитесь подальше от плейбоев».

Актриса Элизабет Тейлор: «Ага, мне тоже разбивали сердце. И еще разобьют. Но у меня есть бриллианты. Девушка всегда может купить себе бриллианты. А любовь слишком очаровательна, чтобы лелеять обиду. Прости их, милочка, и люби снова».

Певица Долли Партон: «Дорогая, сходи к парикмахеру. Наложь чуточку туши и скажи “да”, когда это покажется верным. Но заставь его обращаться с тобой как с королевой, которой ты и являешься!»

Певица Уитни Хьюстон: «Детка, просто танцуй! А если ему не хочется танцевать с тобой, продолжай двигаться в любом случае».

Писательница Майя Энджелу: «Никогда не позволяй мужчине задавать тон твоей жизни. Живи под стук своих

собственных барабанов».

Певица Адель: «Скажи ему все, что чувствуешь, ничего не скрывая. Не бойся говорить правду. В уязвимости есть сила».

Актриса Бетти Уайт: «Просто веселись. И съешь немножко шоколада. Не воспринимай себя до такой степени всерьез».

Писательница Дж. К. Роулинг: «Никогда не жди, чтобы мужчина показал тебе мир. Как следует работай и езжай в отпуск – а еще лучше, купи себе яхту».

Дизайнер Коко Шанель: «Носи алую помаду. Но только если тебе нравится, как она на тебе выглядит».

Писательница Энн Ламонт: «Что бы ни случилось, ты получишь хороший материал для книги. Просто проживи его. И молись».

Писательница Элизабет Гилберт: «Поезжай в Италию. Ешь пасту. Плачь. Побудь потерянной – недолго. Ты отыщешь свой путь и снова влюбишься, обещаю». (Заметка на полях: Однажды я встретила Лиз на вечеринке, и она сказала, что у меня отличные туфли. А я ответила, что у нее чудесное платье. Забавно: мы обе купили эти вещи в американском стоковом магазине Target². Люблю приземленных женщин.)

Общественный деятель мать Тереза: «Прости его. Он не

² Target Corporation – корпорация по продаже товаров массового потребления, находится на восьмом месте в списке крупнейших ритейлеров США.

ведает собственных ошибок».

Певица Бейонсе: «Будь неудержимой, но вместе с тем доброй».

Общественный деятель Мишель Обама: «Требуй уважения. Научи людей, как следует с тобой обращаться».

Актриса Одри Хепберн: «Если упала, встань грациозно. И съешь круассан».

Летчица Амелия Эрхарт: «Ты можешь самостоятельно добраться до Парижа. Черт, лети на самолете».

Рецепт «Простой домашний мамин хлеб»

Моя мама была и остается искусным кулинаром и пекарем, как я упоминала выше. Хотя я дитя восьмидесятых, эпохи, когда проверенные веками традиционные способы приготовления пищи уступили место более современным возможностям насладиться едой (доставка пиццы! обеды из микроволновки! полуфабрикаты!), мама осталась верна традициям и предпочитала органические продукты до того, как кто-либо услышал о магазинах органических продуктов. Ее преданность здоровому натуральному питанию стала одним из лучших подарков мне. И спустя много лет я несколько раз в неделю пекла сынишкам хлеб. Они получали удовольствие, помогая мне смешивать ингредиенты и вымешивать тесто. Но ничто не сравнимо с моментом, когда достаешь из духовки великолепную, золотисто-коричневую буханку с хрустя-

щей корочкой. Знаю, мои инстаграм-подписчики подустали от множества постов о хлебе, но не могу остановиться. Это – то, кем я являюсь и откуда пришла. #немогуинебудуоста-навливаться

Продукты:

1,5 чашки теплой (не горячей) воды

1 пакетик дрожжей

1 ч. ложка сахара

1 ч. ложка морской соли

1/4 чашки оливкового масла

3 чашки муки (плюс немного, если тесто выглядит сухо-вато + немного на вымес)

Дополнительно, по желанию:

- 1/4 чашки цельного или истертого льняного семени
- 1/4 чашки семян чиа
- 2 ст. ложки свежего розмарина

Приготовление:

Смешайте в большой миске дрожжи, сахар и теплую воду. Аккуратно перемешайте и отставьте в сторону хотя бы минут на пять, пока смесь не покроется пенной «шапочкой». Затем добавьте туда соль и масло. Постепенно перемешивая, по одной чашке зараз всыпьте муку, следите, чтобы не переборщить, у вас должно получиться пластичное тесто. Положите его на слегка присыпанную мукой кухонную доску и

вымешивайте как минимум пять минут.

Сформируйте из мягкого комка теста правильный круг и поместите его в сбрызнутую маслом миску. Накройте полотенцем, поставьте в теплое место и пусть подойдет хотя бы часик, пока не увеличится вдвое. Достаньте снова, обомните как следует шар теста и опять поставьте в тепло на полчаса (второй подъем). Тем временем разогрейте духовку до 220 градусов Цельсия и поставьте туда большой казанок. Когда казанок согреется, осторожно выньте его щипцами (будет горячо!) и аккуратно (снова) переложите туда тесто. Накройте крышкой и верните в духовку, выпекайте около 25 минут, затем проверьте готовность, убрав крышку. Если корочка лишь слегка зарумянилась, снова прикройте и верните казанок в духовку, уменьшив температуру до 190 градусов Цельсия, и пеките еще минут 10–15.

Когда корочка станет золотисто-коричневой, выньте хлеб, осторожно перенесите на стол или кухонную доску и остудите, пока буханка не станет теплой. Разрежьте, намажьте маслом и угощайтесь!

Глава 5

Всем парням, которых я любила раньше

Я эгоистична, нетерпелива и немножко неуверенна.

Я совершаю ошибки, выхожу из себя и временами становлюсь неуправляемой.

Но если вы не можете выдержать мою плохую сторону, тогда вы, черт подери, не заслуживаете и хорошей.

Мэрилин Монро

– Насколько вы цените романтическую любовь? – осведомилась моя подруга Клэр, обращаясь ко мне и еще пятерым ближайшим приятельницам за бокальчиком вина, в патио ее бунгало в Санта-Монике. Домик Клэр стал для меня местом отдыха в пасмурный год после развода и все последующие годы. Когда мои дети отправлялись к отцу, я часто садилась на срочный рейс Сиэтл – Лос-Анжелес, где такая же разведенная Клэр и я проводили выходные, то смеясь, то плача, но всегда поддерживая друг друга в личных невзгодах. Мы пили вино и засиживались допоздна, обсуждая все, что угодно, от невеселой интимной жизни и отвратительных новых

пассий экс-музей до планов написания совместной книги в будущем – скорее всего, пособия по выживанию после разрыва, раз уж мы через это прошли.

Позвольте мне кое-что рассказать о Клэр. Она из тех волшебных людей, у которых в загашнике всегда припасена зажигательная вечеринка, будь то День св. Патрика или просто рядовой вторник. Эти вечеринки, часто неформальные и подготовленные в последнюю минуту, всегда проводились в ее патио, где друзья собирались возле столика, на котором были в изобилии расставлены охлажденные бутылки белого вина и подносы с миндалем, ломтиками сыра и крекерами. Патио Клэр быстро стало одним из моих любимейших мест в мире. Именно этот уголок, расположенный на тихой улочке Санта-Моники, как раз справа от Оушн-драйв, где в саду росли лимонные деревья и шелестели пальмы, стал сценой для стольких ярких событий в дни, когда мой мир покрылся мраком.

И как раз в один из таких вечеров, когда Клэр, я и несколько ее самых умных подружек расслаблялись в ее патио, она задала вопрос о том, как сильно мы ценим романтическую любовь.

Забавно – вопрос нас всех ошеломил. Не то чтобы он был особенно непривычным в компании подруг. В конце концов, Клэр-то была известным психотерапевтом, автором двух пособий по саморазвитию. Однако он всех нас задел до глубины души. И никто не ответил сразу же, кроме меня.

– Очень ценю, – призналась я. В то время я встречалась с новым кавалером, к которому начинала испытывать сильные чувства. Но мой статус взаимоотношений не имел ничего общего с моим ответом, который родился в глубине сердца. Я люблю любовь, вот так просто.

Клэр улыбнулась, будто предвидела суть моего ответа. А я знала, как ответит она. Мы с ней женщины одного типа.

Но по мере того как остальные гости в патио (две замужних, одна состоявшая в отношениях, одна свободная) формулировали свои ответы, я изумлялась все больше – все они сообщили, что романтическая любовь для них не обязательна, то есть не является жизненно важной.

«Как такое вообще возможно?» – подумала я. Всю свою жизнь меня вел призыв романтической любви – потребность в ней, радость от обладания ею. Во время книжных турне, когда читательницы спрашивали у меня об источнике вдохновения для моих историй и о том, почему я пишу именно такие книги, я часто шутила, называя себя романтик-зависимой. Я верила в это, я этого жаждала. Любовь меня очаровывала. Она делала мир интереснее и прекраснее.

Так почему другие люди не ощущали того же? Что это за жизнь, в которой нет чувства радости, опьянения оттого, что другого человека влечет к тебе, а тебя – к нему?

С другой стороны, я задумалась – а может, это я сглупила, раз настолько заиклилась на любви? Быть может, мои взгляды на романтику – не более чем вздорные заблуждения?

– Ты такая чудачка, – как-то раз сказал мне австралийский приятель Бен. С тех пор «чудачка» стало чем-то вроде моего псевдонима. Может, он прав. Может, я самая эксцентричная женщина в мире.

Я подняла эту проблему в разговоре с Натали. «Что думаешь?» – спросила я у подруги. Она рассказала о своей знакомой, которая обрела любовь в неожиданном месте и с мужчиной, которого в обычном состоянии могла не заметить. Та женщина, как пояснила Натали, руководствовалась в жизни исключительно разумом – то есть была практичной, – вместо того чтобы позволить чувствам (сердцу) направлять себя. Однако затея с новыми отношениями заключалась в том, чтобы прислушаться как раз к сердцу – метод, который для нее заведомо был чрезвычайно тяжелым. Но когда, наконец, эта женщина частично отдала контроль чувствам, она влюбилась, обручилась и теперь гораздо счастливее, чем когда-либо в прошлом.

– Ты другая, Сара, – продолжила Натали. – Больше руководишься чувствами.

Как обычно, Натали прочла меня, словно книгу. Я такая и есть, всегда была и не стыжусь этого. Мне нравится глубоко чувствовать, нравится, что случайная песенка по радио может заставить меня разрыдаться. Мне по душе, что моя работа заключается в написании романов, которые позволяют людям по всему миру переживать эмоции. Короче, как я всегда знала: я люблю любовь. (А знаете, кто еще шел на

поводу у чувств? Принцесса Диана. Как-то раз я провела целый час, читая ее многочисленные цитаты онлайн. Любимой стала эта: «Делай только то, что велит тебе сердце».)

Но поскольку рациональные люди вынуждены тренировать различные мускулы, сентиментальные люди поступают точно так же. В моем случае это означает прекратить отношения, которые могли казаться верными, но оказались неприемлемыми лично для меня, прислушаться к интуиции и стать более практичной, если есть соблазн отбросить сомнения и позволить судьбе идти своей дорогой. Это означает быть жестче, вкладывать ресурсы и оберегать себя, говорить «нет» в тех случаях, когда это имеет смысл, двигаться вперед и не оглядываться назад.

Наверное, я восхищаюсь рационалистами точно так же, как они, наверное, восхищаются своими сентиментальными противоположностями. Главная героиня моей книги «Тихие слова любви» очень осторожна в вопросах романтики. Когда-то она обожглась, в результате приобрела некоторую неуверенность. Научиться доверять своему сердцу для нее – величайший вызов. А мой? Кажется, научиться доверять своему разуму.

«Сердце хочет то, что хочет». Достаточно распространенное выражение, и это правда. Но вот тревожный звоночек для сентиментальных людей: порой оно может увести вас с нужного пути. Заметка для моих милых друзей: это изумительно – быть нежным, когда весь мир суров, и да, восхити-

тельно оставаться открытым после того, как вы рассыпались на тысячу кусочков. Не меняйтесь никогда. Но в то же время будьте умными, ладно? Используйте свои извилины.

* * *

– Кто такой Майк? – спросил мой папа по телефону. Был теплый день лета 1993 года, довольно жаркий – из тех, когда ваши бедра прилипают к виниловым сиденьям машины. Папа звонил в дом знакомых, за детьми которых я приглядывала, чтобы поинтересоваться, что за парень мне звонит.

– Погоди, кто? – я запнулась, ощущая участившееся сердцебиение. Мне было шестнадцать, длинные рыжевато-русые волосы я недавно тонировала хной. Я стояла над кастрюлькой с кипятком, собираясь готовить подопечным макароны с сыром на ланч.

– Какой-то парень по имени Майк, – скептически повторил папа. – Оставил свой номер. Он попросил, чтобы ты ему перезвонила.

– Да?! – я почти взвизгнула. Майк мне позвонил. Майк! Я встретила его вчера вечером на концерте. Он пел и играл на бас-гитаре в популярной панк-рок-группе в сонном городишке, где я жила. У него были большие карие глаза, потрясающий голос и... ирокез.

– Сара, как ты с ним познакомилась? – напирал папа.

Не помню, что я ему наговорила. Ничто не имело значе-

ния, потому что МАЙК МНЕ ПОЗВОНИЛ! И Я СОБИРАЛАСЬ СТАТЬ ЕГО ПОДРУЖКОЙ. И МЫ ПОЖЕНИМСЯ, И БУДЕМ ЖИТЬ ДОЛГО И СЧАСТЛИВО!

В тот день время ползло со скоростью улитки, и пока дети смотрели «Русалочку», я пялилась на стрелки часов над камином, умоляя их ускориться. Наконец родители подопечных вернулись, и я запрыгнула в свой «Фольксваген Жук» 1969 года (купленный немного ранее за 1300 долларов, из сбережений за работу нянечкой) и помчалась домой. Мама готовила на ужин лосося – моего любимого, – но голода я не испытывала. Вместо ужина я побежала к себе в спальню... чтобы позвонить Майку.

Он был таким же крутым, каким я его запомнила – немного спокойнее, но в то же время очень самоуверенным.

– Я тут подумал, может, ты захочешь... погулять где-нибудь.

Я едва не скончалась прямо там, в спальне. Майк. Пригласил. Меня. ПОГУЛЯТЬ. Мне был необходим реаниматор.

Когда кто-то предлагал погулять с ним, это было важным событием. Особенно когда этот кто-то был кем-то вроде Майка. Конечно, меня и раньше приглашали на свидания, и я уже даже целовалась – в четырнадцать лет, в темном кинотеатре во время сеанса «Парка юрского периода» – с парнишкой по имени Эндрю, с брекетами и избытком слюны (всю оставшуюся часть фильма я притворялась, что ем ла-

кричные палочки Red Vines, и избегала его взгляда). Но в этот раз молодой человек мне по-настоящему понравился, нет, он прямо-таки запал мне в душу.

Майк заехал за мной в своем сером грузовичке, пахнущем дешевым одеколоном и невымытыми волосами. Через колонки гремела песня с кассеты Ramones.

– Выглядишь сногшибательно, – сказал Майк, глядя на мое белое короткое платье. Я распустила волосы и накрасила губы коричнево-красной матовой помадой Revlon, купленной тем же днем в аптеке.

«Он сказал, я выгляжу сногшибательно. Сногшибательно». Сердце билось как сумасшедшее, пока мы с Майком отъезжали от дома (мои родители внимательно наблюдали из окна нашей гостиной). Я понятия не имела, куда мы едем и чем будем заниматься, но это было неважно. Майк вез меня на свидание. На настоящее.

Мы поели в маленьком кафе около паромного терминала, где меню были все засалены, а хрип-логолосая официантка жевала жвачку. Я рассказала ему о себе все: о семье, своих мечтах. Он много улыбался, но мало говорил о себе, отчего я болтала еще больше. Я заполняла пустое пространство словами, нервно вспоминая, как в шестом классе подхватила загадочную болезнь костей, благодаря которой потеряла подвижность и вынуждена была носить гипс на ноге. Майк только кивал и слушал. Я не могла понять, считает ли он меня интересной или самой скучной девицей на свете.

Доставая бумажник с наличными, чтобы расплатиться по счету, он сказал:

– Эй, хочешь на вечеринку?

– Конечно! – охотно откликнулась я, радуясь тому, что он хотя бы смотрит на меня приветливо. Я похлопала ресницами, надеясь, что мой наряд достаточно крут, чтобы впечатлить его друзей. В конце концов, он был стопроцентным панк-рокером. У него даже была татушка! А я была круглой отличницей из частной школы и каждое воскресенье посещала церковь. Вольюсь ли я в его компанию?

Мы поехали к его подруге Лизе, и Майк сообщил, что Лиза живет с мамой. Мое сердце подпрыгнуло, когда он взял меня за руку, и мы поднялись по лестнице к квартире Лизы.

Лиза, миленькая девушка примерно моего возраста с длинными, снежно-белыми волосами и колечком в носу, встретила нас у двери. Она увидела руку Майка в моей, потом обрушилась на него с сокрушительными объятиями.

– Это... Сара, – сказал он. – Моя новая... – Его голос стих, а глаза Лизы вспыхнули. «Он что, чуть не назвал меня своей ДЕВУШКОЙ?»

– Приятно познакомиться, – сказала я, протягивая руку, но вместо пожатия она обняла меня, прижавшись роскошной грудью к моей, среднего размера.

– Пойдем потусуемся, – предложила Лиза, затаскивая нас в квартиру, пахнущую моющим средством. Из динамиков

грохотал панк-рок.

– Люблю эту группу, – сказал Майк Лизе.

– И я, – повторила я, хотя никогда раньше ее не слышала. Она сжала руку Майка.

– Мама уехала из города, а Джайлс притащил ящик пива!

Я взглянула на Майка, но он возился с ее новой бас-гитарой (Лиза тоже играла в группе). Можете назвать меня Поллианной, но до того дня я никогда не была на вечеринке с алкоголем. Что бы сказали мои родители? Если они узнают, я пропала. Меня накажут пожизненно.

Видимо, ощутив мой дискомфорт, Майк поставил на место гитару и шепнул мне на ухо:

– Это нормально, если тебе не нравится. Можем уйти, если хочешь.

– Нет, нет, – сказала я, оглядывая других людей в комнате – парней с тату, в кожаных куртках, и двух других свирепых с виду девчонок с крашеными волосами и в ботинках Dr. Martens. Я не хотела, чтобы он посчитал меня занудой. – Все круто. Без проблем.

Лиза и впрямь оказалась крутой девушкой. Находчивость и игривость в сочетании с ее броской внешностью означали, что парни в комнате следили за каждым ее движением, включая, как я опасалась, и Майка.

Лиза и ее парень Джайлс, рыжий взрослый парень с бородой и цепью на брюках, вместе ушли в ее спальню и закрыли за собой дверь. У рыжего были грязные ногти и прыщи.

Я понять не могла, что она в нем нашла, но Майк сообщил, что Джайлс играет в группе, чьи песни крутили по радио. В любом случае я о них ни разу не слышала.

– Развлекаешься? – уточнил у меня Майк.

– По полной! – солгала я, и Майк устроился рядышком, так близко, что я могла ощущать аромат его кожи. Истина была в том, что вся эта новая обстановка была для меня совершенно чужой. Парни и девчонки, которые пили пиво и запирались в темных спальнях, пока родителей не было дома.

– Лиза крутая, правда? – спросил Майк, глядя через плечо на закрытую дверь ее спальни, где невесть что происходило.

Я кивнула, глядя на часы на микроволновке. Я пообещала родителям вернуться к одиннадцати вечера, моему комендантскому часу, и нервно объяснила Майку, что нам следует уезжать.

– Ого, одиннадцать, серьезно? – рассмеялся он. – Кем они тебя считают, малышкой? – У Майка не было комендантского часа, как, очевидно, и у других ребят из его компании. Я была единственной чудачкой, которой полагалось отправляться домой под крылышко к мамочке и папочке. Я покраснела от стыда.

Внезапно Майк положил ладони мне на талию и притянул к себе, целуя в первый раз. Признаю, к тому моменту у меня было не так много опыта в этом деле. После Эндрю, слюнявого киношного поцелуйщика, был Брэд. Мы работали в

одном магазинчике (я трудилась на должности упаковщицы, затем мастера по вывескам, он был упаковщиком, а позднее перешел в мясной отдел). Он повел меня на шоу «Призрак оперы» в Сиэтле, держал за руку все представление, наклонился и поцеловал. Это было лучше, чем в первый раз, но все-таки, каким бы милым он ни был, я вскоре поняла, что Брэд не для меня. К его разочарованию, мы разошлись (до сих пор мои родители называют его «бедняжка Брэд»), а потом... появился Майк. Стоя рядом со мной и обвив руками мою талию, он, настоящий рокер, не похожий ни на одного из ребят, загадочный, мятежный, чуть самоуверенный, в ту минуту был целиком поглощен мной! Когда он наклонился, чтобы поцеловать меня, я ему позволила. И в то мгновение поцелуй стал всем миром.

Видно, Майк тоже так подумал.

– Ух ты, – сказал он, отступая и улыбаясь. – Мне нравятся твои губы.

Я с трудом удержалась на ногах. «Меня только что поцеловал Майк. И ЕМУ НРАВЯТСЯ МОИ ГУБЫ!» До того момента мне в голову никогда не приходила мысль о том, что чьи-то губы могут быть плохими или хорошими. Разве все они не были просто... губами? Но нет! Майк назвал мои губы классными, и я очутилась на седьмом небе.

– Может, позвонишь родителям и продлишь время? – спросил он, придвигаясь ближе. – Вечеринка только началась, и я... хочу еще побыть с тобой.

Майк потянулся за следующим поцелуем, но я шагнула назад и покачала головой. Все-таки я дала папе и маме слово, и меня накажут, если я его нарушу.

– Прости, – я неловко подбирала слова. – Я... не могу.

Майк отвез меня домой, поцеловав перед тем, как я вылезла из его грузовичка и влетела в дверь в 10:59, как раз вовремя.

– Как все прошло? – спросил папа с кушетки, где прощелкивал телеканалы. Он ждал меня. Я знала, что так и будет.

– Великолепно, – мечтательно сказала я, взбегая по лестнице к себе, словно мультяшный персонаж, только что подстреленный из купидонова лука. И это было великолепно, но вместе с тем... странно. Меня влекло к Майку, но все же что-то внутри тревожило. Я еще этого не знала, но это вступили в действие мои инстинкты – внутренняя мудрость, которая говорила мне: что-то пошло не так. И конечно, я была слишком юной и наивной, чтобы к ней прислушаться.

Мы с Майком встречались несколько месяцев. Фактически он почти полностью занял вторую половину моих старших классов. Мы расстались, потом я пришла на один из его концертов, и мы снова сошлись и встречались, пока он не потерял интерес или я не потеряла терпение из-за его действий, и мы снова разругались. Мы повторяли этот сценарий снова и снова, до самого лета 1996 года. К тому времени он набил себе больше тату – целую кучу; я же подстригла волосы и выкрасилась в платиновую блондинку. Мир менялся,

как и мы. Я планировала поступать в университет, а Майк гастролировал по городам мира, жаждущим его музыки. Мы бы никогда не смогли ужиться вместе. И оба это знали. И все же мы оба всегда желали узнать, вдруг все-таки сможем.

В ночь перед моим отъездом в колледж Майк отвез меня на ужин, а потом мы просто разъезжали по окрестностям. Он продержал меня довольно долго на крытой стоянке перед его домом.

– Прости за все, – сказал он.

В тот миг я не знала, почему он извиняется. За то, что мы не сошлись? За его поведение? За, ну не знаю, мое нежелание проникнуться духом панк-рока в достаточной степени? Мы оба знали – я никогда не стану фанаткой. Я не хотела набивать себе тату или слоняться с его выводком «группы», обращающих ко мне с просьбами. У меня были большие карьерные мечты, и я горела желанием их исполнить. Он стремился к своим, и наши миры никогда не слились бы в единое целое.

– Я бы хотел, чтобы у нас все получилось, – искренне пробормотал он. Это было наполовину извинение, наполовину пожелание. Он взглянул на меня так же, как на нашем первом свидании, словно хотел поцеловать меня, убедить остаться, выбрать жизнь в панк-роке с поздними ночными ужинами и ночной ездой по автострадам в колымагах, пропахших сигаретами и плесенью.

Так круто... только больше это не казалось мне крутым.

Я хотела жить жизнью, которую сама спланировала: карьера журналиста, пишущего для изданий, может быть, даже, собственная книга, квартира в городе. Майк, всего на год старше меня, уже отказался учиться в колледже ради студий звукозаписи и гастролей с группой. Этот выбор имел для него смысл, так же как мой – для меня.

– Пока, – сказала я, понимая, что это наше последнее свидание и что отныне все для нас изменится. У каждого из нас была своя манящая тропа, и нам предстояло два совершенно разных путешествия. Смешно – глядя в его глаза в тот вечер, я больше не видела крутого уверенного парня, из-за которого так нервничала и которого страстно желала впечатлить. На краткий миг я увидела настоящего Майка, и он был таким же неуверенным и беззащитным, как и я, точь-в-точь таким же потерянным и испуганным. Мы были просто двумя детьми, немного прошедшими вместе по дороге жизни.

И жизнь пошла своим чередом, как обычно бывает. Пока я сдавала последние экзамены, стараясь получить степень по журналистике, Майк подписывал контракты с несколькими звукозаписывающими компаниями, продавал миллионы альбомов и гастролировал с группами вроде No Doubt и Blink 182. Я слышала сплетню, что он начал встречаться с Лизой, но это меня несколько не удивило.

Мы с Майком до сих пор друзья. Он счастливо женат, стал отцом двух детишек и все еще занимается музыкой. Несколько лет назад, выехав на турне в поддержку книги и

остановившись в Чикаго, я заметила в кафе плакат. Группа Майка приехала туда и играла концерт на соседней площадке вечером. Спустя пару часов я спонтанно прыгнула в машину, купила билет и просочилась в зал. И он стоял там, на сцене, зажигая так же, как в эпоху нашей юности. Я стояла среди публики, думая, как же забавно, что все может измениться и одновременно остаться тем же.

После шоу мы с Майком выпили и немного поговорили, пока толпы его фанатов кучковались вокруг, выпрашивая у него автограф или уточняя детали его предстоящего шоу. Он восхитился моими успехами в писательстве, я сделала ему комплимент в связи с музыкальными достижениями. Может, Майк и не был величайшей любовью моей жизни, но я всегда буду признательна ему за наши отношения. Я верю, что люди приходят в нашу жизнь не просто так, и что каждое знакомство, большое или маленькое, имеет значение. А вот и кое-что невероятное: когда мне было шестнадцать, Майк познакомил меня с мужчиной, ставшим моей нынешней вечной любовью – просто в тот миг я этого не знала.

P. S. Если хотите послушать музыку Майка на Spotify, ищите группу MxPx. Вот что еще расскажу: он написал песню *Bad Hair Day* обо мне, ха-ха³.

³ Майкл Артур Эррера (Michael Arthur Herrera) – американский певец, композитор и музыкант, входит в состав панк-рок-группы MxPx.

Рецепт «Идеальный лосось»

Я выросла поблизости от острова Бэйнбридж, в крошечном прибрежном городке Поулсбо, где ветер пахнет морем. Рыбы здесь всегда было много, она была восхитительна, и за свое детство я съела целую гору. Хотя я всегда обожала маминого запеченного лосося и, став взрослой, сама его готовила, я всегда гадала, как добиться хрустящей корочки, которая приносила мне такое наслаждение в ресторанах Сиэтла. Несмотря на многочисленные попытки ее повторить, я, к сожалению, терпела неудачи до одного вечера в компании друзей в Нью-Йорке, где в меню ужина был лосось. В кухне великолепных апартаментов с видом на Централ-парк Саймон приправил лосося так же, как делала я, а затем отправил его на шипящую сковородку. Я слишком увлеклась разговором с приятелями, чтобы подглядеть его секрет, но когда я воткнула вилку в кусок на тарелке во время ужина, я буквально обомлела. Этот лосось был таким... хрустящим! Таким идеальным! Как он этого добился? Наши рецепты были практически идентичны, так что же сделал Саймон, чего не смогла сделать я? Неужели все дело в его высококлассной плите? В какой-то новомодной сковородке? Ни то ни другое. Секрет, как я потом выяснила, был прост: нельзя переворачивать лосося кожей вниз после поджарки. Держите его разрезом вниз, и пусть свершится волшебство.

Продукты:

1 лосось весом около полукилограмма, без костей, разделанный на 2 филе

2 ч. ложки чесночного порошка

1 ч. ложка морской соли

1/2 ч. ложки сушеного орегано

1/4 ч. ложки черного перца горошком

1 ч. ложка перца алеппо

Оливковое масло и сливочное масло для сковороды

Приготовление:

Разогрейте духовку до 200 градусов Цельсия. Извлеките из филе лосося все косточки (я использую старый пинцет, держу его в кухне как раз для такого случая!) и нарежьте на порционные куски. Мне нравится промывать кусочки и затем обсушивать (мне кажется, это убирает остаточный рыбный запах).

Уложите куски на тарелку. Далее смешайте все специи, соль и перец в маленькой мисочке, посыпьте поровну этой смесью куски – и отставьте тарелку в сторону.

В большом чугунке либо эмалированной чугунной сковороде (важно, чтобы она годилась для духовки), разогрейте смесь оливкового и сливочного масел до уровня чуть выше среднего. Когда услышите скворчание на сковороде, положите филе разрезом вниз и готовьте хотя бы три минуты (не

трогайте куски слишком рано, иначе рыба прилипнет) или до тех пор, пока рыба не подрумянится до прекрасного золотисто-коричневого цвета. Далее оставьте филе на том же месте разрезом вниз (см. историю выше!) и поместите сковородку в духовку. Запекайте еще 5–7 минут до полной готовности либо до желаемой кондиции (я люблю немножко сырую серединку). Ешьте с салатом из помидоров и огурцов, пассерованной браунколью или шпинатом, либо с запеченным картофелем. А еще лучше подавайте лосося с гарниром из моего специального соуса (рецепт в главе 8).

Глава 6

Жизнь писателя

Моя жизнь не удовлетворяла меня, поэтому я создала новую.

Коко Шанель

Если вы отслеживаете меня в «Инстаграме», то могли заметить, что я часто использую хештег #жизньписателя. Он очень точно описывает многие события, которыми я делюсь, поскольку так или иначе я всегда пишу (неважно, в самолете, или во время футбольных матчей сынишки, или перебирая идеи для следующей книги). Фактически творчество является одной из единственных настоящих констант в жизни, наполненной постоянными переменами. Творчество – мое дело, мое хобби, моя карьера и моя страсть, все перетекает друг в друга. Может прозвучать глупо, но без него я была бы полностью потеряна.

Не все в моей жизни происходило по плану. Как вы успели прочитать в предыдущих главах, в течение многих лет моя личная жизнь была в совершеннейшем беспорядке. Но я могу сказать вам с полной уверенностью и благодарностью, что моя карьера превзошла мои ожидания.

Давайте вернемся к началу, чтобы вы смогли понять мое путешествие в деталях. Самые ранние воспоминания о тяге к творчеству вырастают из потрясающих папиных сказок на ночь. Мы с сестрой и братьями каждый вечер умоляли его рассказывать нам истории, и он никогда не разочаровывал нас. В его историях были замки и принцессы, леса с конфетными деревьями, бугимены и счастливые финалы – всегда счастливые.

В школе я боялась математики и естествознания, но обожала читать и писать. В семь лет я стала победительницей конкурса «Юный автор» за рассказ, который написала о маленькой девочке, мечтавшей о буксире (по какой-то причине в детстве я была очарована вещами типа буксиров и кабузов, т. е. тормозных вагонов). В четвертом классе мои способности чтения были на уровне старших классов. В пятом я создала собственную «газету», которую писала от руки, фотокопировала и разносила по почтовым ящикам соседей. Называлась она «Новости Сэнди Хук» (в честь улицы, на которой мы тогда жили – Сэнди-Хук-роуд), и в ней была рубрика комиксов и даже раздел частных объявлений. К моему смущению, мама до сих пор хранит несколько экземпляров газеты где-то в альбоме.

Учителя, друзья и члены семьи спрашивали меня: «Кем хочешь быть, когда вырастешь, Сара?» Ответ был всегда одним и тем же: писателем. Так что моя карьера была не просто предсказуема, она была очевидна. Почему бы не зарабо-

тывать на жизнь любимым делом?

В 1996 году я начала обучение в Университете Западно-Вашингтона, в сонном городке Беллингхеме в нескольких часах езды от Сиэтла, где действовала очень профессиональная программа по журналистике. Родители помогли мне обустроиться в новой комнате, и, прощаясь с ними, я расплакалась. Мама позже позвонила мне, чтобы рассказать, что мой восьмилетний младший брат Джозайя спрашивал у нее, когда я вернусь из Best Western. Мы здорово посмеялись над уверенностью братца, что мой колледж расположен прямо в отеле.

Я хорошо приспособилась к университетской жизни, и вскоре факультет журналистики стал моим домом. Я трудилась над учебной газетой и журналом, часто задерживаясь в редакции допоздна, чтобы отредактировать текст и дописать статью для свежего выпуска. И я ни разу не отошла от своей мечты стать писателем, за исключением осеннего семестра второго курса, когда мне в голову пришла идея перейти на медицинский. Однако после разочаровывающей первой недели на особенно нудном биологическом курсе я столкнулась в кампусе с одним из любимых профессоров журналистики, Питом Стеффенсом.

– Сара, ты где пропадала? Мы на журналистике соскучились по тебе.

Я сообщила ему, что решила пойти на программу для медиков, но он только головой покачал.

– Это огромная ошибка. Ты прирожденный писатель. Еще не поздно изменить твое расписание на семестр. – Тут он мне подмигнул и пошел дальше. – Не терпится увидеть тебя завтра у нас.

Пит оказался прав. Я была и есть прирожденный писатель. И я в тот же день решила вернуться на журналистику. Часто думаю, какой бы стала моя жизнь, если бы я его тогда не встретила. Носила бы я белый халат, сидела бы прямо сейчас в каком-нибудь стерильном медицинском учреждении, агонизируя над микроскопом и мечтая о капле мужества, чтобы последовать зову сердца? Кто знает. Я действительно уверена в том, что всегда буду испытывать признательность к Питу за этот маленький толчок в нужном направлении. После выпуска и многолетней карьеры в журналистике и написании книг я стала искать его, чтобы поблагодарить, но, к глубокому сожалению узнала, что несколькими годами ранее Пит скончался. Так что я сделала другую очевидную вещь: написала письмо его вдове, в котором вспомнила то хорошее, что сделал для меня ее муж. Она ответила проникновенным письмом, и это многое для меня значит. Сейчас, помня о Пите, если я встречаю кого-либо в легком смятении, то говорю, что думаю. Никогда не знаешь, насколько могущественными могут стать эти слова.

КАК ВСЕ ЭТО ПРОИЗОШЛО

Многие люди спрашивают меня, как я построила карьеру. Конечно же, в рецепт «как стать писателем» вошло много ингредиентов, но краеугольным камнем в моей карьере стал период, посвященный журналистике.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.